

Глава 17: Весенний сон не пройдет бесследно

По пути совсем стемнело. Чем плохи осень и зима в Аньлине: рано темнеет, поздно светает. Раньше старшее поколение считало, что осень и зима — любимые сезоны бездельников, утром со спокойной душой можно отоспаться, а вечером вернуться пораньше с работы, дабы отдохнуть.

Но для Ши Цюси осень и зима были плохи тем, что ему приходилось ездить в темноте.

У Ши Цюси легкая куриная слепота. Он не знает, каково это нормальному человеку водить в ночи, но для пациентов с куриной слепотой, даже с включенными фарами, дорога выглядела иначе, чем днем, отчего появлялась потеря ориентации. Линия обзора становилась нечеткой, и отвлечься было запросто.

За это время Ши Цюси отвлекся четыре раза, и это неконтролируемое чувство вызывало приступ раздражения. Более того, в машине был Чи Ван, и ему не хотелось, чтобы тот пострадал из-за него.

Немного подумав, он решил уступить водительское место, так безопаснее. Вот только...

— Брат, у меня нет водительских прав, — Чи Ван выглядел беспомощно. После поступления в университет с ним произошло так много всего, что он совершенно забыл о получении водительских прав. Позже, из-за обострения тревожного расстройства, он не мог пойти в такое место, как автошкола, в скопление незнакомых людей.

— ...Ладно, тогда помоги мне следить за дорогой, боюсь врезаться в столб, — тысяча расчетов, и вдруг Чи Ван, который, казалось, прекрасно водил машину, не имеет водительских прав. Выхода нет, Ши Цюси мог только заставить себя быть внимательнее, полагаясь исключительно на себя.

На первых порах на дороге не было машин. После выезда на федеральное шоссе движение явно ускорилось, особенно гоняли большие грузовички: они ехали быстро, да еще и с включенным дальним светом. Здоровые люди ослепнут от такого, что уж говорить о Ши Цюси, в полуслепом состоянии.

— Я видал старые хлопчатобумажные штаны твоей второй тети! — Ослепленный в энный раз дальним светом встречных грузовиков, Ши Цюси не сдержался от проклятий, яростно вжимая клаксон. Чи Ван молча отодвигался в сторону, словно опасаясь, что пламенный гнев перекинется на него, как только заговорит.

После часа нервоотрепки, наконец, съехали с федерального шоссе. Ши Цюси не только с облегчением выдохнул, но и стал более расслабленным.

До дома оставалось еще десять миль. На этой дороге никого не было. Ши Цюси включил старую стереосистему, где по радио беспорядочно крутили «Храброе сердце».

Слушая знакомую мелодию, Ши Цюси не удержался, чтобы не подпевать, даже предложил Чи Ваню присоединиться. Однако, как только тот запел, Ши Цюси понял, что это гораздо «захватывающе», чем трель поддержанного сломанного барабана, купленного им. Дабы уберечь разум от отравления, Чи Ван был вынужден прекратить после 15 секундного выступления.

Слегка обиженный Чи Ван прислонился головой к стеклу и скучающе уставился на ночной пейзаж за окном. В неизвестно какой момент с неба посыпался снег, и хлопья были такими легкими и умиротворяющими, заставляя все вокруг замереть.

Несмотря на то, что после приезда сюда он часто видел снег, Чи Ван все равно достал телефон, чтобы сделать фото. Новая книга начнется с метели.

Ши Цюси даже не обратил внимание на снегопад за окном. Наблюдать за этим уже тридцать лет действительно удручает, к тому же, после выпадения снега, вести машину становится труднее. Ши Цюси раздражала мысль о том, что придется разгрести снег у двери завтра утром.

Песня вот-вот должна была достигнуть кульминации. Поблизости нет никого, кроме Чи Ваня, поэтому он просто отпустил себя и запел вместе с «Братом в кожаных штанах»:

— Я не песчинка и не вздох, я всего на всего ребенок... — Вскоре пришла очередь самой проникновенной фразы. Ши Цюси сделал глубокий вдох и выкрикнул, взмахнув рукой. — Это ощущение полета! Это ощущение свободы! В...

(За частое ношение кожаных штанов на выступлениях, в различных шоу, в повседневной жизни певец Ван Фэн получил от пользователей сети прозвище «Брат в кожаных штанах». Исполненная песня «□□□□» Wang Feng (□□))

Ши Цюси пел сосредоточенно. Поскольку слова пелись на высоких частотах, ему пришлось напрячь горло, чтобы повысить тон. Тусклый желтый свет уличного фонаря падал на его лицо, вырисовывая чрезвычайно острый профиль в тенях. Чи Ван видел вздувающиеся вены на шее и кадык, который то и дело двигался вверх-вниз.

Человек перед ним казался более привлекательным, чем снегопад за окном. Чи Ван повернул камеру своего телефона в сторону поющего Ши Цюси.

Увидев, что его снимают, Ши Цюси запел более энергично и время от времени приподнимал брови, глядя в камеру, с необузданной аурой молодости.

Такой Ши Цюси далек от образа надежного старшего, знакомого Чи Ваню, но и в этом есть свое очарование. Эта свободная душа, выросшая в вечно снежных просторах Аньлиня Гуаньюаня. Чи Ван смотрел на хулиганскую улыбку Ши Цюси, и уголки губ сами собой тянулись вверх.

В маленьком и ветхом автомобиле один человек радостно фальшиво пел песню, в то время как второй направлял камеру на поющего с улыбкой до ушей, не замечая этого.

Возможно, в определенный момент две совершенно разные души резонировались. Даже длись этот миг несколько секунд, он все равно оставит неизгладимый след в сердце.

Когда они добрались, Ши Цюси сорвал голос. Только когда телефон Чи Ваня разрядился, он нехотя убрал его, делая пометку, выходить в мир с зарядкой. К сожалению, ни одна из песен, спетых ши Цюси, не была записана. Так жаль.

Ши Цюси вышел из машины с ящиком клубники и кивнул Чи Ваню, давая понять, что пойдет в дом тети Ван. За целый день ему ни разу не пришлось утруждать себя готовкой, поэтому он планирует отнести клубнику тетушке и заодно поужинать.

Чи Ван последовал за ним, все еще чувствуя, как пение едва слышно раздаётся в ушах. Снежинки осыпали их, окрашивая волосы в одинаковые цвета. Чи Ван глядел на бархатистую макушку Ши Цюси, на которую сыпались снежные хлопья, и словно видел грозную немецкую овчарку, катающуюся по снегу.

Ши Цюси очень устал и торопился поужинать, не предполагая, в каком беспорядке чужие мысли. Если бы он знал, что Чи Ван видел его как собаку, точно сложил бы пополам.

Только войдя, Ши Цюси почувствовал запах тушеных ребрышек с бобами. Он сглотнул слюну и крикнул из двора:

— Тетя, я привел ребенка доесть остатки!

Как только плотная занавеска отодвинулась в сторону, появилось круглое красное личико тети Ван. Сначала она окинула недовольным взглядом Ши Цюси, назвала его «неблагодарным», но, заметив Чи Ваня позади, тут же сердечно улыбнулась.

— Немного опоздал, заходи и грейся. Сегодня тетя приготовила много ребрышек, давай поедем вместе!

— А что насчет меня, тетя, он будет есть ребрышки, а я стоять на северо-западном ветру? — Вмешался Ши Цюси.

— Не пытайся притворяться бедным, стой и дальше на северо-западном ветру! — Тетя Ван

взяла кубинку из его рук и побежала на кухню за тарелками и палочками.

Ши Цюси не нужно приглашение, он отодвинул занавески и вошел. Чи Ван послушно следовал за ним.

Дядя Ли держал в руке стакан с сорговым пивом и поедал арахис.

— Вы сегодня выходили погулять? — Заметив не растаявшие снежинки на головах Ши Цюси и Чи Ваня, он с улыбкой спросил.

— А как же, еще и принесли нам огромную клубнику, такую сочную на вид, — тетюшка Ван вернулась с посудой и мягко подметила.

Ши Цюси сел рядом с Чи Ванем, ему не терпелось взять палочки и запихнуть в рот свиные ребрышки. Он сделал несколько укусов, ничего не пережевывая, закатил глаза, когда подавился, и быстро сделал несколько глотков белого овощного супа.

Пока тетя Ван отрезала мясо для Чи Ваня, не забыла прокомментировать:

— Будто родился с воронкой во рту: еду не жует, а разу заливает.

Ши Цюси не стал оправдываться и просто отправлял в рот еду. За полдня он не съел ничего нормального, голодный до обморока, проглотил три миски риса и две булочки с фасолью, только тогда он почувствовал, что желудок не пустой.

— Ведерко с рисом (бездельник), — резюмировал дядя Ли, как всегда коротко и ясно. Ши Цюси взглянул на Чи Ваня, который все еще тянулся за едой, и недовольно крикнул. — Разве он не такой же? Он ест лучше меня, вот, кто на самом деле больше ведерко с рисом!

— А? — Чи Ван поднял голову, чтобы объяснить, но тетя Ван вновь подтолкнула к нему миску. — Ешь, не обращай внимание на этих двух никчемных. Два никчемных человека переглянулись, с глазами, полными презрения к бледнолицему ведерку с рисом и легкой завистью.

Наевшись и напившись до отвала, до округлых животов, они поняли, что пора уходить. попрощавшись с тетей Ван и дядей Ли, Ши Цюси и Чи Ван, подхваченные снежинками, разошлись по домам.

Прежде чем уйти, они договорились о встрече завтра, чтобы сварить клубничное варенье и заодно приготовить домашние тыквенные цукаты. Ши Цюси должен доказать, что в Аньлине есть по-настоящему вкусные засахаренные тыквы.

После того, как Ши Цюси подчеркивал это снова и снова, Чи Ван кивнул, показывая, что точно не забудет обещание, данное вечером.

Съев слишком много, еще и обдуваемый теплым воздухом дома, Чи Ван почувствовал, что заснет через три секунды, как ляжет в постель. Но сегодня он вспотел, поэтому, собравшись с последними силами, кое-как принял горячий душ, прежде чем забраться в теплую кровать. Глаза закрылись, и он тут же захрапел.

— Чи Ван, подойти и помоги мне, — Чи Ван ошарашенно раскрыл глаза. Ши Цюси стоял перед кастрюлей с антипригарным покрытием в фартуке и лопаткой помешивал варенье. Чи Ван взглянул на свою руку и заметил стеклянную банку для хранения.

Неужели следующий день наступил так скоро? Ему казалось, что он только прилег. Он все еще был в оцепенении, когда Ши Цюси что-то ему сказал, и ему пришлось отбросить странное чувство, засевшее в груди, и поспешно протянуть стеклянную банку.

Ши Цюси взял ложку и зачерпнул немного варенья. Не знаю, из-за жары или солнца, лицо его слегка порозовело. Стоя рядом, Чи Ван мог видеть, как длинные ресницы трепещут, будто бабочки, а под ними виднеются слезящееся и затуманенные глаза.

Осталось чуть-чуть варенья, и его нельзя было зачерпнуть ложкой. Ши Цюси наклонил кастрюлю к верхушке банки, и клубничное варенье полилось вниз, несколько капель стекли на его пальцы.

— Помоги мне вылизать дочиста, — Ши Цюси произнес это так естественно, что Чи Ван не заподозрил ничего плохого, он немедленно наклонился и лизнул пальцы.

Рука мужчины с явными голубыми венами постепенно была вымыта. Слизав последнюю капельку варенья, он с опозданием среагировал, поднял голову и увидел лицо Ши Цюси, становившиеся все ближе и ближе.

Мясистые губы коснулись лица Чи Ваня, и оба хаотично выдохнули, в ушах гремело. Чи Ван протянул руку и сжал талию мужчины напротив, собираясь заполучить желаемое...

Бум-бум-бум! Когда раздался гром, он сел в кровати, обливаясь потом, и потер ладонями разгоряченное лицо в попытках переварить только что увиденный странный сон. Под одеялом было душновато, и Чи Ван пошевелился и вдруг ощутил влагу на ноге.

Он чопорно опустил голову, увидел испачканные штаны, вскочил с кровати и, словно током пораженный, пошел принимать душ.

После душа было только половина третьего, борясь снова и снова больше часа, он все еще сопротивлялся сну. Он взъерошил волосы, напоминающие куриное гнездо, и уверенно

схватился за беспроводную клавиатуру.

Зачем нужен сон, лучше не спать всю ночь и писать рукопись!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14933/1595919>